

Поставим на ноги

Как известно, на коллекционирование у нас даже так называемые культурные люди смотрят иногда довольно парадоксально, чтобы не сказать резко. Кое-кто считает его даже вздорным и поэтому абсолютно ненужным занятием. В доказательство приводится обычно тот аргумент, что «широкие массы» стоят в стороне от коллекционирования. Что этот аргумент не выдерживает серьезной критики, об этом мало кто думает. В самом деле, если бы полезность явления оценивалась только по степени участия в них масс, то мы должны были бы отрицательно отнестись не только к коллекционированию, но и к искусству, литературе, языкознанию, археологии, спорту и даже к музыке, так как всем известно, что широкие массы, особенно в СССР, где даже простая грамотность еще не являются всеобщим достоянием, - очень далеки от всего этого. И, наоборот, такое начальное явление, как пьянство должно, очевидно, пользоваться бесспорным признанием, поскольку оно не без стараний царского правительства глубоко проникло в массы, где алкоголь не так еще давно заменял почти все культурные потребности.

Мы в свое время достаточно подробно ответили тем, кто пытался дискредитировать коллекционирование в печати (см. нашу статью «Неприкрытое верхоглядство» в №№ 4 - 6 «СК» за 1929 год). Сейчас мы возвращаемся к этому вопросу в связи с тем, что кое-где опять стали раздаваться недоуменные вопросы о том, для чего нужно коллекционирование, какой от него практический толк, может ли оно помочь социалистическому строительству, углубить борьбу за промфинплан и так далее.

Человеку предубежденному и вдобавок невежественному иногда очень трудно доказать даже то, что дважды два - четыре. Если подходить к явлению только с точки зрения утилитарности и осязаемого материального эффекта, то большинство из них пришлось бы подвергнуть коренной переоценке. В самом деле, что может реально дать строительству социализма музыка, поэзия, игра в шахматы, изобразительное искусство с точки зрения глухого, неграмотного, слепого, а тем более некультурного человека? Да и многие элементарно зрячие и грамотные люди могут рассуждать точно так же. К счастью, они не делают погоды. В отношении же коллекционирования «глухих» и «слепых» так много, что их вопли принимаются иногда, за мнение большинства, притом мнение вполне авторитетное.

Между тем коллекционирование по самой своей природе - бесспорно культурное явление. Статистика с неумолимой последовательностью показывает, что там, где больше грамотных, где интенсивнее проявляется стремление к знанию, где выше культура - тем шире коллекционирование. И наоборот, в первобытных странах, стоящих на низкой ступени развития, коллекционирование совершенно отсутствует. Отсюда и различное отношение к коллекционированию. Западно-европейские рабочие сплошь и рядом занимаются коллекционированием и состоят членами различных коллекционерских корпораций и объединений. Наши советские рабочие пока лишь присматриваются к коллекционированию, поэтому в количественном отношении их участие в коллекционерской жизни СССР

незначительно, как незначительно по сравнению с территорией и населением Союза и все наше коллекционерское движение в целом, что объясняется многими причинами, о которых здесь не стоит говорить. А где-нибудь в недрах Африки или Австралии о коллекционировании не имеют даже понятия. Вот почему на Западе мы нередко встречаем даже старых революционеров, открыто и с увлечением занимающихся коллекционированием. Между тем у нас многие взрослые коллекционеры почему-то скрывают свое занятие и в тех случаях, когда оно случайно открывается, пытаются объяснить его наличием сына или дочери, которые, мол, «забавляются», а отцы им в этом якобы только помогают. Это особенно относится к нашим ответственным работникам. Коллекционеры знают наперечет многих таких «укрывающихся», которые занимаются десятки лет собиранием марок, монет, всяких редкостей, оружия и пр., - в то же время не принимают никакого участия в общественной коллекционерской жизни из опасения, как бы это не уронило их в глазах других не менее ответственных. Можно ли после этого удивляться нелепым взглядам на коллекционирование со стороны «слепых» и «глухих», если даже сами коллекционеры своим поведением как бы подтверждают, что коллекционирование в некотором роде предосудительное занятие.

Насколько такое отношение к коллекционированию типично только для наших родимых недотеп, свидетельствует тот факт, что повсюду за границей вы ничего подобного не встретите. Мало того: любой коллекционер, как бы он высоко ни стоял на иерархической или общественной лестнице, - не только не скрывает своего увлечения, но проявляет его даже там, где по нашим понятиям это было бы по меньшей мере неудобно. Так, большинство руководителей иностранных фирм, банков и заводов при деловых сношениях с вашими советскими учреждениями свои письма неизменно заканчивают просьбой прислать те или иные советские марки, для чего к письмам обычно прилагаются соответствующие суммы. Это явление имеет настолько широкий и постоянный характер, что одно из наших учреждений, не зная о существовании Советской филателистической ассоциации, всерьез задумало открыть у себя отделение по филателии специально для удовлетворения таких запросов. Едва ли нужно доказывать, что ни один из наших «ответственных» никогда не рискнул бы на подобный шаг.

Чтобы не представить этого явления в одностороннем освещении, добавим, что не только иностранные дельцы, но даже видные революционные деятели обращаются в СССР с просьбой выслать нужные им марки. Как видно, за границей никто с коллекционированием не прячется, так как там уже привыкли к нему, как к фактору культуры.

Если коллекционирование находится у нас в загоне, если оно не получило должного развития, если оно не играет той роли, которую может и должно играть в деле культурной революции, - то это в первую очередь объясняется как раз тем возмутительно небрежным отношением к нему, которое проявляют даже наши научно - просветительные учреждения. За примером ходить недалеко. Наркомпрос, несмотря на предложение Правления ВОФ, - пока что упорно отказывается принять общество в свое ведение и тем самым дать ему возможность не только правильно развиваться, но и приносить максимум общественной культурной пользы. Наряду с

этим Наркомпрос издает специальные книги, трактующие о роди филателии в школе (А.Чачиков - «Филателии в школе»). Отдельные статьи, посвященные аналогичным вопросам, встречаются в органах просвещенческой печати («Филателия в школе» в журнале «Просвещение на Урале» и др.).

Чем объяснить такую неувязку? Что филателия в школе может сыграть крупную роль, - этого не отрицают даже те, кто о филателии знает по наслышке. Почему же целое общество филателистов, готовое и имеющее полную возможность развить и наладить помощь школе через коллекционирование - игнорируется и упорно оставляется безпризорным?

Думаем, что Наркомпрос найдет время, чтобы разрешить наше недоумение.

В заключение напомним об одном факте, связанном с Марксом и Энгельсом и имеющем прямое отношение к филателии.

Ф.Энгельс в письме к К.Марксу от 21 апреля 1863 года между прочим пишет: «Посему заканчиваю письмо, прилагая еще несколько марок для Туссенки. Многие марки в двух экземплярах. Дублеты идут здесь на обмен. Итальянскими, швейцарскими, норвежскими и некоторыми немецкими марками могу служить в большом количестве».

В другом письме к К.Марксу от 20 мая того же года Ф.Энгельс опять говорит о марках: «Прилагаю снова несколько марок. Но этой части в конторе сейчас происходит большое воровство» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс - Сочинения под ред. Д.Рязанова, т. XXIII, стр. 148 -149).

Из этих коротеньких фраз можно заключить следующее:

1) Марксом и Энгельсом существовала специальная договоренность относительно снабжения марками, так как иначе Энгельс их бы не посылал, а тем более не писал бы о том, что он «еще» прилагает марки; по видимому посылка марок носила систематический характер;

2) Энгельс довольно обстоятельно вникал в филателию, так как он вполне правильно указывает на возможность использования дублетов для обмена и даже разбирается в том, какие марки он может высылать Марксу для его дочери, чего непосвященные делать, конечно, не может. Отсюда невольно напрашивается предположение, - не был ли сам Энгельс филателистом, В письме от 20 мая он отмечает факт воровства марок в конторе. Ясно, что речь идет о гашеных марках, так как чистые иностранные марки в частной конторе быть не могли. А если Энгельс знал, что пропадают гашеные марки с прибывающей корреспонденции - значит, он внимательно следил за ними, что скорее всего присуще филателисту-любителю. Самый факт «воровства» говорит о том, что коллекционирование марок уже тогда увлекало многих.

3) К.Маркс поощрял занятие дочери филателией. Это обстоятельство очевидно и бесспорно. Как видно из письма, Энгельс посылал марки для младшей дочери Маркса, Элеоноры (она же Туссенка и Бэби), родившейся в 1855 году, т.е. ко времени цитированных нами писем насчитывавшее только 8 лет. И если Энгельс в серьезной деловой и научной переписке специально упоминает о марках и посылает их, ясно, что его об этом просил К.Маркс. Если учесть теперь то внимание, которое К.Маркс уделял воспитанию своих детей (вплоть до танцев), то станет бесспорным,

что филателия, как фактор культурного воздействия на ребенка, поощрялась Марксом вполне обдуманно и отнюдь не случайно, Это подтверждается еще и тем, что Маркс даже в менее важных вопросах, чем воспитание детей, всегда руководствовался твердыми и логически обоснованными принципами.

Итак, К.Маркс и Ф.Энгельс ещё 70 почти лет тому назад способствовали привитию ребенку любви к филателии. Еще 70 лет тому назад два лучших ума поняли то, чего некоторые наши умишки не могут понять до сих пор: что филателия - средство культурного воздействия. Как известно, впоследствии Элеонора Маркс была активной участницей английского рабочего движения. Филателия таким образом не помешала ей стать революционеркой. Отсюда вытекает, что в нас нечего опасаться каких-то отрицательных последствий от занятия этим культурным и общеобразовательным делом, как опасливо предполагают некоторые. Все зависит от методов, принципов и целей коллекционирования.

Отметим еще один штрих. Филателистический фонд мира в шестидесятых годах прошлого века представлялся более чем скромно не только в количественном, но и в качественном отношении. Почтовые марки имели тогда двадцатилетний возраст и не могли похвастать тем обилием сюжетов, художественного разнообразия, графического мастерства, богатства красок и классово-идеологического содержания, которые присущи современным почтовым маркам. И если тем не менее Маркс и Энгельс систематически помогали восьмилетнему ребенку собирать эти марки, они уже тогда правильно оценили их культурное значение.

Остается пожелать, чтобы мы и в этом отношении шли по стопам Маркса и Энгельса.

Маркс и Энгельс в свое время поставили на ноги гегелевскую диалектику, которая до того стояла «вверх ногами». Пусть наше сообщение о том, что эти два величайших мыслителя поощряли филателию, - поможет нашим отечественным мыслителям поставить на ноги представление об этом мощном факторе культуры.

А отсюда недалеко и до правильного понимания всего коллекционерского движения в целом и его роли в деле культурного воспитания масс.

Д.Б.Валерон

Первоисточник:	Журнал «Советский коллекционер» - ежемесячный орган Советской филателистической ассоциации, Всероссийского общества филателистов и Филателистического интернационала № 1 за январь 1930 года страницы 1 - 4
Файл скачан с сайта «Живопись в филателии»	www.art-stamps.ru